Kaidanova, Ol'ga Vladimirovna

Pervyi russkii uchnyi Mikhail Vasil'evich Lomonosov

891.78
L846ZKN

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ УЧЕНЫЙ

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ЛОМОНОСОВЪ.

О. В. Кайдановой.

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/pervyirusskiiuch01kaid

Kaidanova Olga Vladimirovna
Pervyi russkii uchenyi

Первый русскій ученый

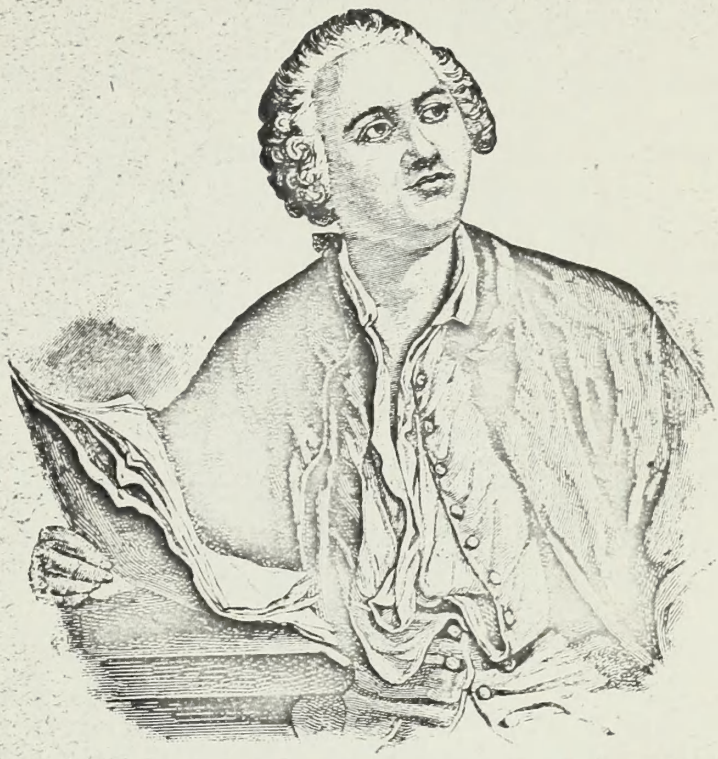
Михаилъ Васильевичъ

Ломоносовъ.

О. В. Кайдановой.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1912.

Russian School



Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

891.78
L846ZKN

ГЛАВА I.

Въ нынѣшнемъ 1911 году исполняется 200 лѣтъ со дня рожденія перваго русскаго ученаго крестьянина Михаила Васильевича Ломоносова. 200-лѣтіе рожденія Ломоносова совпадаетъ въ этомъ году съ 50-лѣтіемъ со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Сильно измѣнилась жизнь въ Россіи за 50 лѣтъ, прошедшихъ со времени уничтоженія крѣпостного права, а еще болѣе измѣнилась она съ того времени, когда жилъ Ломоносовъ. Ломоносовъ жилъ въ царствованіе Петра Великаго и его преемниковъ. Онъ воспринялъ идеи (мысли), одушевлявшія Петра, и посвятилъ свою жизнь ихъ осуществленію: онъ положилъ начало новой жизни Россіи, открывъ ей дорогу къ наукѣ, къ просвѣщенію.

Петръ Великій страстно хотѣлъ сблизить Россію съ жизнью народовъ Западной Европы, двинуть ее по пути къ знанію, труду, сознательной жизни; онъ хотѣлъ пробудить ее отъ вѣкового сна, толкнуть на занятія науками, ремеслами, на добываніе и обработку природныхъ богатствъ страны; онъ стремился вдохнуть въ русскія души энергію, которой былъ полонъ самъ. Не взирая на свое царское достоинство, онъ самъ работалъ пилой, долотомъ, молоткомъ, своимъ примѣромъ призывая всѣхъ къ труду.

Призывъ Петра Великаго находилъ откликъ въ тѣхъ, кто самъ носилъ уже въ своей душѣ стремленіе къ дѣятельности и къ просвѣщенію. Сочувствіе идеямъ Петра Великаго, стремленіе итти впередъ и работать вмѣстѣ съ нимъ пробудилось въ душѣ Ломоносова еще съ дѣтства благодаря его геніальной натурѣ, а также благодаря тому, что окружающая его среда, окружающіе его люди способствовали этому. Родина Ломоносова, крайній сѣверъ Россіи, по составу своего населенія и по своему историческому прошлому была болѣе другихъ мѣстностей Россіи подготовлена къ реформамъ[1]) Петра.

Поморы — жители береговъ Балтійскаго моря и западной части Ледовитаго океана, издавна отличались смѣлостью, предпріимчивостью, настойчивостью. Первыми поселенцами сѣвернаго края были выходцы изъ вольнаго города Новгорода; сюда же стекались потомъ раскольники, спасавшіеся отъ преслѣдованій ихъ за ихъ вѣру. Среди раскольниковъ было не мало людей стойкихъ, упорныхъ. Природа же сѣвера еще болѣе развила въ нихъ эти качества.

Природа эта сурова и однообразна: огромная равнина, покатая къ морю, не защищенная отъ холодныхъ вѣтровъ, покрытая большую часть года большимъ снѣжнымъ покровомъ, а дальше Сѣверное море, тоже покрытое льдомъ и снѣгомъ, или свинцовое, бушующее, и надъ всѣмъ этимъ вѣчно сѣрое небо, слабо освѣщаемое косыми лучами солнца и иногда озаряемое сѣвернымъ сіяніемъ. Земледѣліемъ невозможно заниматься въ этомъ холодномъ краю, и поморы промышляютъ, главнымъ образомъ, рыболовствомъ; они выѣзжаютъ на лодкахъ далеко въ море навстрѣчу холоднымъ сѣвернымъ вѣтрамъ.

---

[1]) Нововведеніямъ.

Многіе изъ нихъ погибаютъ въ волнахъ океана; смерть не страшитъ этихъ отважныхъ людей; они свыкаются съ дѣтства съ этой жизнью, полной опасностей и приключеній и любятъ свою суровую родину. Поморы жили раньше и живутъ и теперь довольно зажиточно: у нихъ крѣпкія, хорошо сколоченныя избы, простая, но сытная пища. Трудъ, который они несутъ, тяжелъ, но они съ нимъ свыкаются, привыкаютъ къ нему. Среди поморовъ даже въ то время, о которомъ мы говоримъ, было не мало грамотныхъ людей, что вообще было тогда въ Россіи рѣдкостью; этимъ они были обязаны раскольникамъ, которые сами читаютъ свои священныя книги и для этого учатъ дѣтей грамотѣ.

Путешествуя по Россіи, изучая страну, Петръ Великій останавливалъ свое вниманіе больше всего на тѣхъ ея мѣстностяхъ, откуда было удобно «прорубить окно въ Европу», т.-е. завязать сношенія съ Западной Европой; его влекло поэтому къ Архангельску, на Бѣлое море. Онъ два раза ѣздилъ по Сѣверной Двинѣ въ Архангельскъ, плавая по Бѣлому морю, строилъ верфи, закладывалъ корабли; однажды онъ чуть не утонулъ во время сильной бури и въ память объ этомъ поставилъ сработанный своими руками сосновый крестъ. Посѣщеніе Петромъ Великимъ сѣвернаго края оставило глубокіе слѣды; онъ наполнилъ, по словамъ одного писателя, это трудовое, умное населеніе новымъ духомъ; кто-то сильный, необыкновенный пришелъ, оставилъ неизгладимые слѣды, поразилъ воображеніе, овладѣлъ памятью народной. Всюду для чуткихъ, исполненныхъ силы, слышались слова: «Иди за мной: время наступило!»

Подъ такими впечатлѣніями прошло дѣтство и отрочество Михаила Васильевича Ломоносова; онъ

родился и выросъ въ деревнѣ Денисовкѣ, Архангельскаго уѣзда, въ 70 верстахъ отъ Архангельска, недалеко отъ села Холмогоры, на одномъ изъ острововъ въ устьѣ Сѣверной Двины. Какъ и всѣ деревни поморовъ, Денисовка лежала среди пустынной, холодной мѣстности, прилегавшей къ морю. Сѣрыя тесовыя крыши домовъ немногимъ разнообразили унылый видъ равнины, окружавшей деревню. Видъ сѣверной снѣжной равнины да бурнаго сѣвернаго моря, съ его пловучими льдами,— вотъ первыя впечатлѣнія, которыя залегли въ душѣ Ломоносова; а чудная, неотразимая по своей красотѣ картина сѣвернаго сіянія, играющаго разноцвѣтными лучами на небѣ надъ этой снѣжной равниной, дала его душѣ, чуткой ко всему прекрасному, первыя впечатлѣнія красоты. Разсказы же о Петрѣ поразили воображеніе, разбудили мысль и стремленіе къ образованію.

ГЛАВА II.

Отецъ Ломоносова, Василій Дороѳеевичъ, былъ однимъ изъ зажиточныхъ крестьянъ въ Денисовкѣ; Михаилъ Васильевичъ былъ его единственнымъ сыномъ. Онъ былъ женатъ на дочери діакона; жена его рано умерла, оставивъ двухлѣтняго сына, будущаго ученаго, такъ что Михаилъ Васильевичъ почти не зналъ матери. Отецъ его вскорѣ женился второй разъ. Мачеха не взлюбила пасынка, постоянно нападала на него; отецъ, чтобъ избавить жену отъ присутствія нелюбимаго пасынка, сталъ рано брать мальчика съ собой въ море. Василій Дороѳеевичъ сдѣлалъ себѣ челнъ по заграничному образцу, оснастилъ его и на этомъ челнокѣ, названномъ имъ

«Чайкой», выѣзжалъ далеко въ открытое море. Поѣздки съ отцомъ въ море дали мальчику множество свѣжихъ и яркихъ впечатлѣній, которыя стоили школьнаго обученія. Мальчикъ видѣлъ и наблюдалъ море въ различныя времена года, наблюдалъ силу вѣтра и напоръ морскихъ волнъ, животныхъ, рыбъ и птицъ, живущихъ на сѣверѣ, изучалъ рыбный промыселъ, знакомился съ жизнью приморскихъ жителей. Если бъ собрать и записать всѣ знанія, которыя пріобрѣлъ Ломоносовъ въ дѣтскіе годы, то ихъ набралось бы не мало, и эти знанія были добыты самостоятельно и залегли въ душѣ яркими, глубокими слѣдами на всю жизнь. Про Ломоносова можно поэтому сказать, что онъ прошелъ начальную школу, получилъ начальное образованіе, хотя его школа и не была похожа на обычныя школы: мѣстомъ ея было море, книгами также море и связанная съ нимъ жизнь, а учебной скамьей — качающаяся на волнахъ «Чайка», которой такъ гордились отецъ и сынъ. Эта школа дала Ломоносову, кромѣ разныхъ знаній, крѣпкое здоровье и развила въ немъ сильную волю, характеръ, способность бороться съ препятствіями. Но одной этой школы геніальному мальчику было мало; его умъ постоянно искалъ для себя работы; онъ задавалъ себѣ тысячи вопросовъ; на многіе изъ нихъ онъ получалъ отвѣты отъ окружающихъ, но множество вопросовъ оставалось безъ отвѣта. Мальчика неудержимо тянуло къ ученью. Удовлетворить же это стремленіе въ тѣ времена было не легко. Грамотность въ то время была очень мало распространена, школы были только при монастыряхъ. Петръ Великій сталъ устраивать свѣтскія школы, въ которыхъ учили не только грамотѣ, но и ариѳметикѣ, но такихъ школъ (они назывались цыфирными или навигацкими) было немного и въ

нихъ принимались только дѣти дворянъ и духовенства; по деревнямъ же школъ совсѣмъ не было.

Ломоносовъ выучился грамотѣ у сосѣда Ивана Шубнаго и скоро сталъ читать на клиросѣ въ церкви; онъ удивлялъ всѣхъ своимъ выразительнымъ чтеніемъ и пониманіемъ прочитаннаго. Часто, бывало, мальчикъ разсказывалъ собравшимся вокругъ него крестьянамъ, среди которыхъ бывали и пожилые люди, житія святыхъ; онъ разсказывалъ ихъ просто, своимъ языкомъ и такъ интересно, что его разсказовъ всѣ заслушивались. Скоро Михаилъ Васильевичъ перечиталъ всѣ книги, которыя были у Шубнаго и у дьячка; ему хотѣлось еще читать и въ книгахъ найти отвѣты на свои вопросы. Но гдѣ достать книгъ? И теперь въ деревнѣ не всегда достанешь хорошую книгу для чтенія, а въ то время это было несравненно труднѣе. Книги были въ то время вообще рѣдкостью, притомъ большая часть книгъ были книги духовнаго содержанія; книгъ же свѣтскаго содержанія было очень мало, и поэтому легко можно себѣ представить радость, которую испыталъ Ломоносовъ, когда увидѣлъ въ домѣ у одного изъ денисовскихъ крестьянъ Христофора Дудина три свѣтскія книги. Это были: грамматика Смотрицкаго, ариѳметика Магницкаго и псалтирь въ стихотворномъ переложеніи Симеона Полоцкаго. Въ наше время такія книги, какъ грамматика и ариѳметика, не привлекли бы вниманія подростка, какимъ былъ тогда Ломоносовъ, потому что это не книги для чтенія, а учебники, которые проходятъ, изучаютъ въ школахъ; во-вторыхъ, потому, что понять ихъ безъ учителя трудно. Но для Ломоносова ужъ одно то, что это были книги, изъ которыхъ можно было узнать что-нибудь новое, было счастьемъ, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ ихъ увидѣлъ, онъ ни о чемъ дру-

гомъ не могъ думать, какъ только о томъ, какъ бы прочесть ихъ. Онъ обратился съ просьбой къ Дудину одолжить ему эти книги почитать, но на свою просьбу получилъ отказъ. Въ этомъ не было ничего удивительнаго—книги въ то время были рѣдкостью, были очень дороги, и понятно, что тѣ, у кого онѣ заводились, берегли ихъ и неохотно давали читать ихъ другимъ. Но юноша не успокоился—онъ все же не допускалъ мысли, что ему такъ и не удастся прочесть этихъ книгъ, все надѣялся добиться ихъ въ концѣ-концовъ—и добился. Уступая усиленнымъ просьбамъ Ломоносова, сыновья Дудина взяли эти книги у отца и передали ему. Всѣ три книги: грамматика, ариѳметика и псалтирь попали, наконецъ, въ руки любознательному юношѣ. Онъ былъ безмѣрно счастливъ. Эти три книги, какъ онъ говорилъ впослѣдствіи, были для него вратами учености, т.-е. началомъ его образованія. Ломоносовъ не разставался съ ними, носилъ ихъ повсюду съ собой, опасаясь, чтобы мачеха, найдя ихъ въ домѣ, не уничтожила бы; книги эти были для него сокровищами, онъ перечелъ ихъ съ начала до конца много разъ и выучилъ ихъ наизусть.

Мачеха постоянно ворчала на него за то, что онъ тратитъ время на такое пустое, по ея мнѣнію, занятіе, какъ чтеніе, и юношѣ приходилось часто уходить отъ нея изъ избы на улицу и читать въ сильный морозъ при лунномъ свѣтѣ. «Неоднократно,—писалъ объ этомъ Ломоносовъ,—я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустынныхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ». Но вотъ всѣ книги перечитаны, вытвержены наизусть, другихъ книгъ достать болѣе негдѣ, и юношу опять начинаетъ мучить духовный голодъ. Онъ изучалъ, насколько могъ при своемъ развитіи,

природу родного края и промыселъ отца, онъ перечелъ всѣ книги, духовныя и свѣтскія, какія только можно было достать въ деревнѣ, а умъ его продолжалъ искать для себя новой пищи и работы, и не находилъ ни того ни другого. Ломоносовъ затосковалъ, жажда знанія въ немъ разгоралась; родина его становилась для него тюрьмой.

ГЛАВА III.

Когда Ломоносову пошелъ 18-й годъ, отецъ задумалъ его женить. Что было дѣлать юношѣ? Онъ рѣшилъ бѣжать съ родины въ Москву съ тѣмъ, чтобы поступить тамъ въ какую-нибудь школу. Намѣреніе свое Ломоносовъ долго обдумывалъ. Онъ былъ уже не ребенокъ, не мальчикъ и понималъ, что задуманное дѣло надо устроить какъ слѣдуетъ, основательно. Прежде всего надо было запастись паспортомъ—онъ зналъ, что въ Москвѣ безъ паспорта не проживешь. Но какъ добыть его тайкомъ отъ отца? Пришлось не мало поломать надъ этимъ голову, но, въ концѣ-концовъ, Ломоносовъ добился и этого, какъ добился книгъ у Дудина. Знакомый писарь въ Холмогорскомъ волостномъ правленіи выдалъ ему паспортъ безъ вѣдома его отца. Затѣмъ надо было запастись теплой одеждой и деньгами на дорогу; онъ выпросилъ у своего сосѣда Ѳомы Шубнаго полукафтанье и 3 рубля денегъ взаймы и, наконецъ, собрался въ дорогу. Ночью, когда всѣ спали, онъ тайкомъ ушелъ изъ дому. Сильно билось сердце у смѣлаго юноши, когда онъ переступалъ порогъ отцовскаго дома съ тѣмъ, чтобы уже не возвращаться въ него, онъ оставлялъ на родинѣ теплый уголъ, достатокъ, невѣсту, весь привычный

ему же складъ жизни—а впереди у него пока не было ничего—одна мечта,—яркая мечта и полная неизвѣстность относительно того, какъ сложится въ будущемъ жизнь, будетъ ли на что существовать, удастся ли пробить себѣ дорогу къ образованію? И онъ пошелъ навстрѣчу этому неизвѣстному будущему, навстрѣчу манившей его свѣтлой мечтѣ. Ему въ это время шелъ уже двадцатый годъ.

Пройдя 100 верстъ по Петербургскому тракту вмѣстѣ съ обозомъ, шедшимъ въ Москву, который онъ нагналъ по дорогѣ, Ломоносовъ остановился въ Антоніевскомъ монастырѣ, прожилъ въ немъ нѣкоторое время, исполняя должность псаломщика, заложилъ здѣсь кафтанъ, взятый у Шубнаго, чтобъ имѣть хоть немного денегъ на житье первое время въ Москвѣ, и отправился снова дальше. Вотъ, наконецъ, и Москва, въ которую такъ стремился будущій ученый. Въ Москвѣ ему посчастливилось встрѣтить земляка; землякъ этотъ служилъ приказчикомъ у господъ. Онъ принялъ участіе въ юношѣ, позволилъ ему ночевать въ господскомъ домѣ вмѣстѣ съ слугами и направилъ его къ Сухаревой башнѣ, гдѣ была навигаціонная школа, устроенная Петромъ Великимъ; Ломоносовъ поступилъ въ эту школу, но скоро увидѣлъ, что ему въ ней дѣлать нечего: онъ у себя въ деревнѣ, самоучкой, ужъ давно научился бойко и выразительно читать и прошелъ грамматику и ариѳметику, которымъ здѣсь учили. Ему нужна была школа, въ которой онъ могъ бы научиться бо́льшему; сталъ онъ наводить справки про заиконоспасскія школы, въ которыхъ преподавались разныя науки. Какъ бы попасть туда? Онъ разспрашивалъ у всѣхъ объ этомъ училищѣ и узналъ, что туда принимаютъ только дѣтей духовнаго званія. Какъ быть? Ломоносовъ рѣшился на

обманъ, разъ иначе нельзя было попасть въ это училище: онъ назвался поповскимъ сыномъ. Въ заиконоспасскомъ училищѣ, главнымъ образомъ, изучали греческій и латинскій языкъ; въ то время знаніе этихъ языковъ считалось необходимымъ, такъ какъ многія книги писались на этихъ языкахъ. Ломоносовъ съ жаромъ принялся за ученье и скоро преодолѣлъ первыя трудности. Черезъ полгода его перевели уже въ слѣдующій классъ. Ученіе давалось Ломоносову легко, но не легко ему жилось въ Москвѣ, въ годы его ученія. Въ училищѣ надъ нимъ смѣялись, потому что онъ, 20-лѣтній дѣтина, большого роста сидѣлъ рядомъ съ дѣтьми. Всѣ показывали на него пальцами и кричали: «Смотрите, какой болванъ! Въ двадцать лѣтъ пришелъ учиться латыни!» Михаилъ Васильевичъ не обращалъ на эти насмѣшки никакого вниманія: не тѣмъ была занята его голова; но нужда донимала его все время: ученикамъ заиконоспасской школы выдавалось въ то время по алтыну (по 3 коп. въ день) на прожитіе; трудно было, не имѣя поддержки изъ деревни, существовать на такія деньги; приходилось голодать, мерзнуть.

Вотъ что писалъ о своей жизни въ Москвѣ Михаилъ Васильевичъ: «Обучаясь въ спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тѣ лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей, кромѣ меня, не имѣлъ, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которыя онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти расхитятъ.

«Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было

имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку кваса; прочее—на бумагу, обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ.

«Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатокъ, хорошіе тамъ люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которыхъ и въ мою тамъ бытность предлагали, а съ другой стороны школьники, малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотрите, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться».

Чтобъ заработать себѣ сколько-нибудь на обувь и книги, Ломоносовъ служилъ въ монастырѣ псаломщикомъ, но и тамъ получалъ гроши. Отецъ Михаила Васильевича, узнавъ черезъ нѣкоторое время послѣ его бѣгства изъ деревни о томъ, гдѣ онъ находится, писалъ ему нѣсколько разъ, уговаривая его вернуться, но денегъ ему не посылалъ, думая этимъ заставить бросить Москву.

Черезъ два года Ломоносовъ уже вполнѣ овладѣлъ латинскимъ и греческимъ языкомъ, такъ что могъ даже писать стихи на этихъ языкахъ, а также началъ писать стихи и на русскомъ языкѣ. Въ рукописяхъ Ломоносова сохранилось стихотвореніе, написанное имъ въ заиконоспасской школѣ и за которое онъ получилъ одобреніе отъ учителя. Вотъ эти стихи:

Услышали мухи,
Медовые духи,
Прилетѣвши сѣли,
Въ радости запѣли.
Егда стали ясти,
Попали въ напасти;
Увязли бо ноги:
Ахъ, плачутъ убоги,
Меду полизали,
А сами пропали.

Ломоносовъ много работалъ самостоятельно, помимо классныхъ занятій: въ свободные часы, часы

отдыха, которые его товарищи по ученью проводили въ играхъ, онъ сидѣлъ въ монастырской библіотекѣ, перечитывая всѣ имѣвшіяся въ ней книги. Увидя, наконецъ, что ему ужъ нечего больше дѣлать въ Москвѣ, Ломоносовъ сталъ проситься у архимандрита отпустить его для занятій въ Кіевскую духовную академію, славившуюся въ то время въ Россіи. Выдающіяся способности и интересъ къ наукѣ у Ломоносова были засвидѣтельствованы всѣми учителями заиконоспасской школы, и поэтому архимандритъ согласился исполнить просьбу Ломоносова и далъ ему на дорогу денегъ. Ломоносовъ поѣхалъ въ Кіевъ, но тамъ не нашелъ того, чего искалъ: онъ стремился изучить математическія и естественныя науки: физику [1]), химію [2]), въ Кіевской же духовной академіи преподавались тѣ же предметы, что въ заиконоспасской школѣ—латынь и риторика [3]).

Пробывъ въ Кіевѣ нѣкоторое время, Ломоносовъ снова вернулся въ Москву; между тѣмъ и Москва ужъ была для него бѣдна и тѣсна въ умственномъ отношеніи: его пытливый, глубокій умъ искалъ простора и научнаго богатства для удовлетворенія своихъ запросовъ; въ это время счастье улыбнулось Ломоносову. Изъ Петербургской Академіи Наукъ было прислано въ Московскую заиконоспасскую школу требованіе прислать въ Петербургъ двѣнадцать наиболѣе способныхъ и даровитыхъ юношей для слушанія лекцій въ университетѣ при Академіи Наукъ. Въ число отправленныхъ въ Петербургъ попалъ Ломоносовъ, незадолго передъ этимъ вернувшійся изъ Кіева.

---

[1]) Физика—наука о явленіяхъ природы.

[2]) Химія—наука о разныхъ тѣлахъ (веществахъ) и ихъ соединеніяхъ.

[3]) Искусство писать сочиненія.

ГЛАВА IV.

Академія Наукъ, въ которой впослѣдствіи Ломоносовъ былъ профессоромъ, задумана была Петромъ Великимъ, а открыта при его женѣ Екатеринѣ I въ 1727 году. Цѣлью открытія Академіи было распространеніе наукъ въ Россіи. Такъ какъ русскихъ ученыхъ въ то время не было, то были приглашены нѣмецкіе ученые, которымъ было поручено работать въ Академіи, писать научныя сочиненія, переводить ихъ на русскій языкъ, читать доклады на публичныхъ собраніяхъ Академіи, и, наконецъ, читать лекціи для студентовъ открытаго при Академіи университета, подготовляя, такимъ образомъ, для Россіи ученыхъ. Дѣла Академіи шли неважно. Хотя въ нее и были привлечены извѣстные въ Европѣ ученые—Лейбницъ, Эйлеръ, Вольфъ, но они мало заботились о томъ, чтобы двинуть въ Россіи высшее образованіе, и что удивительнаго было въ томъ, что ихъ, иностранцевъ, мало интересовали судьбы Россіи, которой они совсѣмъ не знали? Видное мѣсто занялъ въ Академіи нѣмецъ Шумахеръ, человѣкъ совсѣмъ неученый а только сумѣвшій протереться въ среду ученыхъ; онъ хлопоталъ только о своихъ собственныхъ выгодахъ и былъ совершенно равнодушенъ къ тому, что въ университетѣ не было студентовъ и никто не читалъ въ немъ лекцій. Когда президентомъ, т.-е. главнымъ лицомъ въ Академіи, былъ назначенъ баронъ Корфъ, онъ обратилъ вниманіе на этотъ недостатокъ и распорядился собрать въ университетъ при Академіи молодежь всѣхъ высшихъ школъ и гимназій, какія были въ то время въ Рос-

сіи. Прежде всего послано было съ этой цѣлью обращеніе въ заиконоспасскую школу въ Москвѣ—и въ числѣ присланныхъ изъ Москвы студентовъ пріѣхалъ въ Петербургъ Ломоносовъ. Ему пришлось пробыть въ Петербургѣ только два мѣсяца; обстоятельства снова сложились въ его пользу, и въ жизни его произошелъ новый переворотъ.

Дѣло было вотъ въ чемъ. Петромъ Великимъ начато было въ числѣ многихъ другихъ дѣлъ новое дѣло—горное, т.-е. разработка минераловъ въ горахъ; для этого дѣла нужны были свѣдущіе люди, которыхъ въ Россіи не было. Баронъ Корфъ обратился къ нѣмецкому ученому Генкелю съ просьбой прислать въ Россію химика, который зналъ бы и горное дѣло. Генкель отвѣчалъ барону Корфу, что онъ не находитъ химиковъ, желающихъ ѣхать въ Россію, и совѣтуетъ лучше поступить слѣдующимъ образомъ: прислать за границу для обученія химіи и горному дѣлу нѣсколькихъ молодыхъ людей, которымъ потомъ можно будетъ поручить разработку горныхъ богатствъ въ Россіи. Баронъ Корфъ, слѣдуя совѣту Генкеля, распорядился, чтобъ изъ студентовъ Академіи было выбрано нѣсколько молодыхъ людей для отправки ихъ за границу. Ломоносовъ попалъ въ число этихъ молодыхъ людей, и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ уже плылъ по Нѣмецкому морю на кораблѣ, направлявшемся въ Германію.

Будущее, которое было такъ смутно, когда Михаилъ Васильевичъ уходилъ среди ночи, крадучись, изъ родительскаго дома, становилось для него все болѣе свѣтлымъ; передъ нимъ теперь была полная возможность удовлетворить свою жажду знанія у самаго источника его, такъ какъ Германія была самой образованной страной въ то время. Ломоносовъ пробылъ въ Германіи 3 года: сначала онъ жилъ

въ Марбургѣ и слушалъ лекціи по физикѣ и химіи у профессора Вольфа, а потомъ переѣхалъ въ Фрейбергъ, гдѣ нѣкоторое время работалъ подъ руководствомъ профессора Генкеля, изучая металлургію [1]). Ломоносовъ очень многому научился у Вольфа и сохранилъ съ нимъ и впослѣдствіи дружескую связь. Вольфъ, въ свою очередь, былъ очень доволенъ своимъ даровитымъ ученикомъ и далъ объ его успѣхахъ въ занятіяхъ самый блестящій отзывъ. Съ Генкелемъ же у Ломоносова вышли непріятности изъ-за того, что Генкель очень притѣснялъ русскихъ студентовъ, не знакомилъ ихъ съ тѣмъ, что ихъ больше всего интересовало въ горномъ дѣлѣ, а заставлялъ ихъ дѣлать совсѣмъ неинтересныя, скучныя работы, за которыми они только теряли время. Такъ какъ деньги, посылаемыя Академіей на содержаніе русскихъ студентовъ, были у Генкеля, то Ломоносовъ, когда онъ окончательно поссорился съ Генкелемъ и бросилъ занятія у него, остался безъ копейки. Кой-какъ онъ добрался до Марбурга, гдѣ у него были знакомые, и поселился временно тамъ, въ ожиданіи изъ Россіи отвѣта на свое письмо, въ которомъ онъ излагалъ, какъ произошелъ у него разрывъ съ Генкелемъ. Въ Марбургѣ онъ принялся за занятія математикой, и въ то же время женился на одной дѣвушкѣ, съ которой познакомился еще до переѣзда во Фрейбергъ.

Занимаясь наукой, онъ не забывалъ родины, слѣдя за тѣмъ, что тамъ дѣлалось, и работалъ надъ усовершенствованіемъ русскаго языка. Изъ-за границы Ломоносовъ послалъ въ Россію свое первое поэтиче-

---

[1]) Металлургія—наука о металлахъ и ихъ разработкѣ.

ское произведеніе «Ода [1]) на взятіе Хотина» и большое сочиненіе «Правила россійскаго стихотворства». О томъ, какое значеніе имѣли эти два произведенія Ломоносова, мы поговоримъ ниже.

Академія потребовала отъ Ломоносова возвращенія его въ Россію, при чемъ ему были присланы деньги на дорогу. Когда онъ расплатился съ долгами въ Марбургѣ, то у него осталось очень мало денегъ, такъ что онъ не могъ взять съ собой въ Россію жены, тѣмъ болѣе, что онъ еще не зналъ, какъ сложится его жизнь въ Россіи; поэтому, уѣзжая въ Россію, онъ оставилъ жену пока въ Марбургѣ.

По дорогѣ на нѣмецкой границѣ съ Ломоносовымъ произошла непріятная исторія, изъ которой онъ, однако, выпутался благодаря своей силѣ, здоровью и ловкости. Въ харчевнѣ, гдѣ онъ остановился переночевать, на него обратили вниманіе вербовщики солдатъ въ прусскую армію, такъ какъ онъ былъ очень большого роста и крѣпкаго сложенія; его напоили пьянымъ, и, когда онъ проснулся, на немъ уже былъ красный галстукъ и его поздравляли съ тѣмъ, что онъ прусскій солдатъ и будетъ служить прусскому королю. Несмотря на бдительный надъ нимъ надзоръ караульныхъ, Ломоносову все же удалось спастись бѣгствомъ: онъ вылѣзъ ночью изъ караульни черезъ окно, переплылъ ровъ и бросился бѣжать; его едва не настигла погоня, но онъ успѣлъ скрыться отъ нея въ лѣсу и перебѣжать границу.

---

[1]) Ода—стихотвореніе, въ которомъ воспѣвается какое-нибудь событіе или какое-нибудь лицо, великій человѣкъ.

ГЛАВА V.

Ломоносовъ вернулся на родину изъ-за границы уже европейскимъ ученымъ—онъ изучилъ интересовавшія его науки—физику и химію въ томъ объемѣ, въ какомъ онѣ были извѣстны европейскимъ ученымъ, и былъ уже въ состояніи двигать науки впередъ, т.-е. дѣлать научныя открытія. Профессора, у которыхъ онъ учился за границей, стали уже его товарищами по научной работѣ.

Душа его была полна любовью къ наукѣ и не менѣе пылкой, горячей любовью къ родинѣ. Ломоносову страстно хотѣлось поработать для Россіи, помочь ей двинуться впередъ по пути къ знанію, къ просвѣщенію, дать возможность всѣмъ жаждущимъ знанія учиться; его собственная жизнь, все пережитое имъ въ дѣтствѣ и юности ярко запечатлѣлось въ его душѣ, и онъ горѣлъ желаніемъ помочь тѣмъ, кто, подобно ему, стремился къ знанію. Онъ вѣрилъ въ лучшее будущее Россіи и эту вѣру онъ высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ:

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ.
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ [1])

---

[1]) Платонъ—древній греческій философъ.

И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ [1])
Россійская земля рождать.

Опредѣляя значеніе науки для человѣка, онъ писалъ:

Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастной жизни берегутъ,
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладкомъ и въ трудѣ.

Тѣ же мысли высказывалъ онъ въ письмѣ къ Ивану Ивановичу Шувалову:

«Мое единственное желаніе,—писалъ Ломоносовъ Шувалову,—въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы!»

Это желаніе онъ и осуществилъ со временемъ, но сколько до этого пришлось преодолѣть препятствій! Горькая дѣйствительность сурово встрѣтила Ломоносова на родинѣ; ему пришлось выдержать тяжелую и трудную борьбу, прежде чѣмъ удалось отвоевать себѣ право на дѣятельность. И борьбу пришлось вести съ тѣми, кто, собственно, должны бы были быть ближайшими товарищами Ломоносова—это были члены Академіи—нѣмцы во главѣ

---

[1]) Извѣстный ученый.

съ Шумахеромъ. Они далеко не дружелюбно встрѣтили молодого ученаго, завидовали ему и стали всячески его оттѣснять, препятствовать его работѣ. Съ трудомъ добился Ломоносовъ того, что при восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны, дочери Петра Великаго, на его прошеніе, поданное на Высочайшее имя, ему дано было званіе профессора: онъ могъ начать чтеніе лекцій и сталъ получать опредѣленное содержаніе. Этого добился онъ только черезъ 2 года по возвращеніи въ Россію; только черезъ 2 года могъ онъ выписать изъ-за границы свою жену съ ребенкомъ. Ломоносовъ былъ слишкомъ выдающійся геніальный ученый, чтобъ его можно было затереть, спрятать, какъ хотѣлось того Шумахеру; блестящія, увлекательныя рѣчи, которыя произносилъ Ломоносовъ на публичныхъ собраніяхъ Академіи, его оды, полныя вдохновенія и вѣры въ будущее Россіи, приковали къ нему вниманіе всего русскаго общества, онъ сталъ любимцемъ, гордостью передовой образованной по тому времени Россіи, и все же его враги въ Академіи постоянно вредили ему, вредили исподтишка — мелкими уколами, непріятностями, придирками и вообще чѣмъ только возможно, отравляли ему жизнь. Борьба съ ними отнимала у Ломоносова много силъ, доставляла ему много горя и значительно сократила ему жизнь. Пылкій, горячій, благородный, Ломоносовъ возмущался ихъ поступками; а когда у него очень ужъ накипало на душѣ, онъ набрасывался на нихъ въ пылу гнѣва, бранилъ ихъ, уличалъ, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ; дѣло иногда доходило до драки, но побѣдить ихъ окончательно ему такъ и не удалось до смерти: они такъ и остались хозяевами въ Академіи, хотя работа почти вся перешла понемногу къ Михаилу Васильевичу: онъ читалъ

лекціи, работалъ въ лабораторіи. Онъ почти одними своими усиліями открылъ Московскій университетъ и направлялъ всю его дѣятельность, онъ открылъ первую химическую лабораторію [1]) въ Россіи и былъ въ ней почти единственнымъ работникомъ. Вся его жизнь была цѣликомъ посвящена научнымъ занятіямъ и работѣ по распространенію образованія въ Россіи и, кромѣ того, часть силъ уходила, какъ уже было сказано, на борьбу съ гонителями науки, съ нѣмецкой партіей въ Академіи.

Напряженная работа и непріятности расшатали, въ концѣ-концовъ, богатырское здоровье Ломоносова; губительно дѣйствовала на него и привычка пить, которая развилась у него въ годы его студенчества за границей. 4 апрѣля 1765 года, умирая, онъ жалѣлъ только о томъ, что не могъ совершить всего того, что предпринялъ для пользы отечества для приращенія науки и славы Академіи. Такъ какъ вся жизнь Ломоносова прошла въ научныхъ трудахъ, то о внѣшнихъ событіяхъ его жизни нечего разсказывать; жилъ онъ просто и уединенно, цѣлые дни проводя за работой у себя въ кабинетѣ или въ лабораторіи; жена его сама готовила и работала въ домѣ; жилъ онъ сначала при Академіи, а потомъ въ своемъ домѣ на Мойкѣ. Михаилъ Васильевичъ никогда не забывалъ своихъ земляковъ— переписывался съ ними, всегда радостно привѣтствовалъ ихъ, когда они къ нему пріѣзжали—бесѣдовалъ съ ними попросту. Онъ выписалъ въ Петербургъ изъ Денисовки своего племянника и крест-

---

[1]) Химическая лабораторія — мѣсто для занятій химіей. При лабораторіи имѣются всѣ нужныя приспособленія: печи, посуда, трубки, разныя вещества.

ника Мишу, сына своей сестры, опредѣлилъ его въ гимназію [1]).

Ломоносовъ былъ одинокъ—у него не было близкихъ, друзей, и это понятно, не съ кѣмъ ему было подѣлиться тѣмъ, что его больше всего интересовало;

---

[1]) Вотъ письмо, которое писалъ по этому поводу Ломоносовъ своей сестрѣ:

Государыня моя сестрица
Марья Васильевна!

Здравствуй на множество лѣтъ, съ мужемъ и дѣтьми.

Весьма пріятно мнѣ, что Мишенька пріѣхалъ въ С.-Петербургъ въ добромъ здоровіи и что умѣетъ хорошо читать и исправно, также и пишетъ для ребенка нарочито. Съ самаго пріѣзда сдѣлано ему французское платье, сшиты рубашки и совсѣмъ одѣтъ съ головы до ногъ, и волосы убираетъ по-нашему, такъ что его бы на Матигорахъ не узнали. Мнѣ всего удивительнѣе, что онъ не застѣнчивъ и тотчасъ къ намъ и къ нашему кушанью привыкъ, какъ бы вѣкъ у насъ жилъ. Не показалъ никакого вида, чтобы тосковалъ или плакалъ. Третьяго дня послалъ я его въ школы здѣшней Академіи Наукъ, состоящія подъ моей командой, гдѣ сорокъ человѣкъ дворянскихъ дѣтей и разночинцевъ обучаются и гдѣ онъ жить будетъ и учиться подъ добрымъ смотрѣніемъ, а по праздникамъ и по воскреснымъ днямъ будетъ у меня обѣдать, ужинать и ночевать въ домѣ. Учить его приказано отъ меня латинскому языку, ариѳметикѣ, чисто и хорошенько писать и танцовать. Вчера много вечера былъ я въ школахъ нарочно, осмотрѣть, какъ онъ въ общежитіи со школьниками ужинаетъ и съ кѣмъ живетъ въ одной камерѣ. Повѣрь, сестрица, что я объ немъ стараюсь, какъ долженъ добрый дядя и отецъ крестный. Также и хозяйка моя и дочь его любитъ и всѣмъ довольствуетъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ черезъ ученье счастливъ будетъ, и съ истиннымъ любленіемъ пребываю братъ твой

Михайло Ломоносовъ.

Я часто видаюсь здѣсь съ вашимъ губернаторомъ и просилъ его по старой своей дружбѣ, чтобы васъ не оставилъ. Въ случаѣ нужды, или еще и безъ нужды, можете его превосходительству поклониться, Евсей Ѳедоровичъ или ты сама.

Жена и дочь моя вамъ кланяются.

Марта 2 дня 1765 года изъ С.-Петербурга.

(Письмо это написано Ломоносовымъ за мѣсяцъ до смерти).

никто въ Россіи не понималъ еще тогда ясно, для чего нужна наука; науку цѣнили лишь постольку, поскольку она нужна для какихъ-нибудь житейскихъ дѣлъ; напр., химію цѣнили лишь за то, что химики могли приготовить бенгальскій огонь, устроить иллюминацію и т. д. Ломоносовъ же цѣнилъ науку за ея общее значеніе, за то, что она удовлетворяетъ стремленію человѣка—все познать, постигнуть тайны природы, ея чудеса. Не понималъ также почти никто и того, что литература должна изображать жизнь во всей ея правдѣ, что истинные писатели учатъ людей правдѣ, указываютъ, какова должна быть жизнь. Современники же Ломоносова смотрѣли на писателей лишь какъ на слугъ царей и знатныхъ лицъ. Писатели, дѣйствительно, состояли какъ бы при царяхъ въ видѣ придворныхъ; цари жаловали имъ подарки, а писатели считали своей обязанностью льстить, писать оды, т.-е. похвальныя слова въ честь царей и знатныхъ лицъ. Положеніе поэта, писателя было таково, что ему приходилось льстить и унижаться, и униженіе это часто доходило до того, что писатель терялъ всякое человѣческое достоинство. Такъ, напр., современникъ Ломоносова—Сумароковъ долженъ былъ въ присутствіи полной залы приглашенныхъ гостей проползти на четвереньках до Бирона (временщика), держа въ зубахъ сочиненное имъ поздравленіе въ стихахъ Бирону по случаю какого-то торжественнаго дня. Ломоносовъ стоялъ несравненно выше современныхъ ему писателей: онъ дорожилъ своимъ человѣческимъ достоинствомъ и не въ состояніи былъ бы унижаться передъ кѣмъ бы то ни было. Съ презрѣніемъ смотрѣлъ онъ на Сумарокова, пресмыкавшагося передъ Бирономъ и другими знатными лицами, и когда князь Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, къ которому

Ломоносовъ былъ искренно расположенъ, сталъ уговаривать его помириться съ Сумароковымъ, Михаилъ Васильевичъ написалъ ему письмо, начинавшееся слѣдующими словами:

«Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

«Никто меня въ жизни больше не изобидѣлъ, какъ Ваше Высокопревосходительство. Призвали Вы меня сегодня къ себѣ. И вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ, т.-е. сдѣлай смѣхъ и позоръ. Я съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, который всѣ прочія знанія позоритъ, который и духу не смыслитъ. Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который далъ мнѣ смыслъ, пока развѣ отниметъ. Господинъ Сумароковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столько всякаго вздору наговорилъ, что на весь мой вѣкъ хватитъ, и радъ что Богъ его отъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній: жена и дочь моя привыкли сидѣть дома и не желаютъ съ комедіантами обхожденія. Я пустой болтовни и самохвальства не люблю слушать. И по сіе время ужились мы въ единодушіи. Теперь по Вашему миротворству должны мы вступить въ новую дурную атмосферу. Ежели Вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи, постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеній, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте».

Въ приведенномъ нами отрывкѣ изъ письма Ломоносова рисуется не только благородство и истинная гордость его души, но также твердость его духа и его отношеніе къ наукѣ: на первый планъ Ло-

моносовъ всегда ставилъ общественное дѣло, а личныя дѣла отодвигалъ на задній планъ.

Переписка Ломоносова съ Шуваловымъ, который содѣйствовалъ распространенію науки въ Россіи, оказывалъ покровительство людямъ, занимавшимся наукой, полна заботъ, мысли о распространеніи просвѣщенія въ Россіи; это была главная мысль Ломоносова, поглощавшая его цѣликомъ. Главной отрадой въ жизни Ломоносова была наука, которую онъ любилъ горячо; въ нѣкоторыхъ научныхъ занятіяхъ онъ находилъ даже отдохновеніе: такъ, о своихъ химическихъ опытахъ въ основанной имъ лабораторіи онъ писалъ такъ:

«Всякъ человѣкъ ищетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія; для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостями или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачными дымами, отъ чего я уже давно отказался, затѣмъ что не нашелъ въ нихъ ничего кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобъ ихъ вмѣсто биляру употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лѣкарства служить имѣютъ и, сверхъ того, пользу и честь отечеству, конечно, принести могутъ».

Опытамъ въ лабораторіи Ломоносовъ жертвовалъ не только отдыхомъ, но и сномъ. Онъ спалъ очень мало. «Кто хочетъ много знать, тотъ долженъ мало спать», писалъ Ломоносовъ. Понятно, что такой невѣроятный трудъ сломилъ раньше времени могучій организмъ Ломоносова.

Любя страстно науки, Ломоносовъ былъ человѣкомъ глубоко религіознымъ, и его научные взгляды никогда не вступали у него въ противорѣчіе съ его

религіозными убѣжденіями. Онъ ясно отдѣлялъ науку отъ религіи.

«Правда и вѣра,—говорилъ Ломоносовъ,—суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя и никогда между собой въ распрю прійти не могутъ».

И это отношеніе къ вѣрѣ и наукѣ Ломоносовъ сохранялъ въ душѣ и исповѣдывалъ всегда неуклонно; никакіе случаи не могли поколебать въ немъ этихъ убѣжденій. Послѣ землетрясенія, бывшаго въ Лиссабонѣ [1]) въ 1755 году, многіе современники Ломоносова готовы были видѣть въ этомъ землетрясеніи проявленіе Божьяго гнѣва; Ломоносовъ же спокойно изслѣдовалъ причину землетрясенія, и въ его глазахъ не было ничего общаго между измѣненіями въ земной корѣ и гнѣвомъ Божіимъ; послѣ смерти русскаго ученаго Рихмана, убитаго грозой во время опытовъ съ воздушнымъ электричествомъ, образованные люди въ Россіи вооружились противъ опытовъ съ электричествомъ, стали называть электрическую машину «проклятой»; для Ломоносова же наука, изслѣдующая явленія воздушнаго электричества, осталась послѣ смерти Рихмана, убитаго молніей, тѣмъ же, чѣмъ она была для него до смерти его товарища по научнымъ занятіямъ. Въ этомъ отношеніи Ломоносовъ былъ въ Россіи одинокъ. Онъ страстно хотѣлъ поднять хотя бы наиболѣе образованныхъ людей въ Россіи до истиннаго пониманія значенія науки, научить ихъ отличать науку отъ суевѣрія; онъ старался достигнуть этого въ своихъ рѣчахъ о разныхъ научныхъ предметахъ; его рѣчи были всегда полны силой убѣжденія, огнемъ, горячей вѣрой въ науку и желаніемъ передать свои убѣжденія слушателямъ.

---

[1]) Лиссабонъ—столица Португаліи.

Много сдѣлалъ Ломоносовъ для Россіи за свою недолгую жизнь; недолго сравнительно пришлось ему поработать, такъ какъ онъ очень поздно—на 20-мъ году—началъ свое образованіе. Онъ вернулся изъ-за границы въ 1741 году, а въ 1765 году его уже не стало. Онъ работалъ въ теченіе 24 лѣтъ. Но сколько было сдѣлано за эти 24 года!

ГЛАВА V.

Дѣятельность Ломоносова была собственно 4 родовъ: 1) собственно научная, выразившаяся въ его научныхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ излагалъ свои научныя открытія, выработанные имъ взгляды, 2) его литературная дѣятельность, какъ поэта-стихотворца, 3) его дѣятельность, какъ лектора и оратора, 4) и, наконецъ, его общественная дѣятельность, посвященная распространенію образованія въ Россіи.

Какъ ученый, Ломоносовъ стоялъ не только наравнѣ съ современными ему европейскими учеными, но во многомъ опережалъ ихъ. Своимъ необыкновеннымъ, свѣтлымъ, пытливымъ умомъ онъ проникалъ въ тайны природы и необыкновенно легко разрѣшалъ самые трудные вопросы науки; многія сдѣланныя имъ научныя открытія, на которыя современники его обратили мало вниманія, были впослѣдствіи — лѣтъ 30 — 40 — 50 — сдѣланы другими учеными. На многія открытія Ломоносова въ свое время не было обращено должнаго вниманія, они прошли незамѣченными, и этому было нѣсколько причинъ. Во-первыхъ, во многомъ Ломоносовъ очень опередилъ современныхъ ему ученыхъ, такъ что нѣкоторыя его мысли были имъ не понятны; во-вторыхъ, онъ высказывалъ свои мысли очень кратко, бѣгло,

какъ бы вскользь, тогда какъ для того, чтобы быть понятымъ, онъ долженъ былъ бы излагать ихъ очень подробно, со многими поясненіями и доказательствами; онъ же не дѣлалъ этого, а лишь отмѣчалъ, записывалъ свои новыя мысли, открытія въ такомъ видѣ, какъ они ему приходили, оттого, что у него буквально не было на это времени. Если бы Ломоносовъ, какъ большинство ученыхъ, занимался какой-нибудь одной или двумя сходственными между собой науками, онъ, посвятивъ себя всецѣло имъ, могъ бы передавать современникамъ и потомству свои мысли въ разработанномъ видѣ, между тѣмъ Ломоносовъ работалъ одновременно надъ нѣсколькими науками — онъ былъ и физикъ, и химикъ, и астрономъ [1]), и геологъ [2]), метеорологъ [3]), географъ, историкъ; въ то же время онъ разрабатывалъ практическое [4]) примѣненіе этихъ наукъ, металлургію, горное дѣло, производство стекла и много др.; онъ много работалъ въ области литературы, словесности, поэзіи, языкознанія, и, на ряду со всей этой обширной научной работой, онъ былъ ораторомъ, лекторомъ и неутомимымъ, бодрымъ организаторомъ, т.-е. устроителемъ, многихъ начинаній; ему обязанъ своимъ основаніемъ Московскій университетъ, основанный въ 1755 году, и первая химическая лабораторія при университетѣ.

Неудивительно, что при такомъ поразительномъ разнообразіи дѣятельности Ломоносова онъ не имѣлъ времени пространно излагать своихъ научныхъ работъ. Но замѣчательно то, что въ каждую изъ наукъ, которыми онъ занимался, онъ внесъ что-нибудь но-

---

[1]) Астрономія—наука о небесныхъ свѣтилахъ.

[2]) Геологія—наука о землѣ.

[3]) Метеорологія—наука о погодѣ.

[4]) Практическое—на дѣлѣ.

вое, сдѣлалъ какое-нибудь открытіе, и вопросы, которые онъ затрогивалъ въ наукѣ, были всегда самыми важными, коренными вопросами этой науки.

Больше всего поработалъ Ломоносовъ въ области двухъ любимыхъ его наукъ—физики и химіи.

Онъ изслѣдовалъ свойства воздуха, его температуру, упругость, воздушныя теченія, свойства газовъ вообще; затѣмъ много занимался изученіемъ электрическихъ явленій, разрабатывалъ вопросъ о происхожденіи свѣта, тепла; изобрѣлъ нѣсколько физическихъ приборовъ, напр., самопишущій компасъ и др. Опыты съ электричествомъ особенно увлекали Михаила Васильевича. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ, которые стали изслѣдовать воздушное электричество, послѣ того, какъ американскій ученый Франклинъ высказалъ мысль о присутствіи въ воздухѣ электричества. Вмѣстѣ съ Ломоносовымъ изслѣдовалъ эти явленія русскій же ученый Рихманъ. Они пускали для этого въ облака бумажный змѣй во время грозы и ставили длинные шесты, по которымъ электричество спускалось въ землю. Во время одного изъ такихъ опытовъ Рихманъ былъ убитъ на мѣстѣ сильной электрической искрой. Ломоносовъ лишь по счастливой случайности избѣгнулъ такой же участи. Вотъ какъ онъ описываетъ этотъ случай въ письмѣ къ И. И. Шувалову:

«Что я нынѣ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я или мертвъ. Я вижу, что господина профессора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то же самое время. Сего іюля 26-го числа въ первомъ часу пополудни поднялась громовая туча отъ Норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли.

Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку электрической силы. Однако, пока купанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ электрическихъ изъ проволоки искоръ, и къ тому пришла моя жена и другія, и какъ я, такъ и они безпрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкались загѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойный профессоръ Рихманъ со мной споривалъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку у желѣза держалъ и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали. Жена просила, чтобъ я прочь шелъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что шти простынутъ, а притомъ и электрическая искра почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана весь въ слѣзахъ и страхѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто-нибудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ, онъ чуть выговорилъ: профессора громомъ ушибло. Пріѣхавъ, я увидѣлъ, что онъ былъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и мать таковы же, какъ и онъ, блѣдны. Первый ударъ отъ привѣшенной линіи съ ниткой пришелъ ему въ голову, гдѣ красно-вишневое пятно видно на лбу, а вышла изъ него громовая электрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини... Умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертью, исполняя по своей профессіи должность. Память о немъ никогда не умолкнетъ». Въ концѣ письма Ломоносовъ проситъ И. И. Шувалова исхлопотать вдовѣ Рихмана пенсію.

Какъ ни поразила Ломоносова смерть Рихмана, но этотъ случай нисколько не повліялъ на его дальнѣйшіе занятія и опыты съ тѣмъ же воздушнымъ

электричествомъ. Много трудовъ стоило Ломоносову добиться того, чтобы состоялось публичное засѣданіе Академіи, посвященное этому вопросу; большинство членовъ Академіи настаивали на томъ, чтобы это засѣданіе отложить, въ виду того, что всѣ напуганы смертью Рихмана. Но Ломоносовъ именно въ этотъ моментъ находилъ нужнымъ сказать свое слово въ защиту науки и разбить суевѣрія, смущавшія общество. Рѣчь, произнесенная имъ на этомъ собраніи—Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электричества происходящихъ — одна изъ лучшихъ его рѣчей.

Много поработалъ Ломоносовъ надъ изученіемъ сѣвернаго сіянія. Онъ нашелъ объясненіе этого явленія, которое впослѣдствіи подтвердилось изслѣдованіями другихъ ученыхъ. Вотъ какъ объясняетъ Ломоносовъ происхожденіе сѣвернаго сіянія: «Зимою часто наблюдаются рѣзкія перемѣны: послѣ теплой погоды ртуть внезапно за 30° ниже нуля опущается. Причина этого та, что воздухъ у земной поверхности больше нагрѣвается, и верхній слой атмосферы значительно холоднѣе нижнихъ. Верхній слой атмосферы вслѣдствіе этого тяжелѣе нижняго, и оттого паденіе его производитъ паденіе температуры. Лютые морозы зимой и градъ лѣтомъ оттого происходятъ. При опусканіи средней атмосферы въ нижнюю происходитъ между ними сраженіе: жирные шарички не могутъ слиться съ водяными и отъ тренія ихъ рождается электричество. Грозовыя тучи обыкновенно восходятъ послѣ полудня, около 3—4 часовъ, потому что въ это время нижняя атмосфера болѣе всего нагрѣта, а холодная средняя стремительно падаетъ внизъ. Электрическая сила, рождающая сѣверное сіяніе, около верхней части средней атмосферы возбуждается. Явленія сѣвернаго

сіянія зимой по большей части послѣ оттепели случаются, такъ что весьма часто морозъ предвозвѣщаютъ или съ нимъ вдругъ приходятъ. Электрическое паровъ треніе производится въ воздухѣ погруженіемъ верхней и восхожденіемъ нижней атмосферы. Итакъ, по всей вѣроятности, сѣверныя сіянія рождаются отъ происшедшей электрической силы.

«Франклинова догадка о сѣверномъ сіяніи отъ моей весьма разнится. Ибо онъ матерію электрическую для произведенія сѣвернаго сіянія отъ жаркаго пояса привлечь старается, я довольную нахожу въ самомъ томъ мѣстѣ», и далѣе о томъ же:

«Теплота и электрическая сила происходятъ отъ тренія: теплота требуетъ сильнаго къ движенію грубыхъ, электрическая сила—нѣжнаго къ побужденію тончайшихъ частицъ, чтобъ около центровъ своихъ вертѣлись».

Занимаясь изученіемъ сѣвернаго сіянія, Ломоносовъ очень жалѣлъ о томъ, что въ молодости, когда приходилось много разъ видѣть сѣверное сіяніе, онъ недостаточно обратилъ на него вниманія.

«Родившись и живя до возраста въ такихъ мѣстахъ, гдѣ сѣверныя сіянія часто случаются, не безъ сожалѣнія я вспоминаю, что не могъ пользоваться внимательными наблюденіями разныхъ перемѣнъ и обстоятельствъ, бывшихъ при таковыхъ явленіяхъ. Причина тому первая, что ради привычки частое и повседневное ихъ оказаніе рѣдко возбуждаетъ въ тамошнихъ жителяхъ вниманіе; вторая, что незнаніе наукъ не приводитъ любознательности». Но если въ молодости Ломоносовъ недостаточно внимательно наблюдалъ сѣверное сіяніе въ научномъ отношеніи, не будучи къ этому подготовленъ, то красота этого явленія ярко запечатлѣлась въ его душѣ. Это впечатлѣніе вылилось въ одушевленныхъ

строфахъ его оды «Вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ». Эта ода выражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ высокое религіозное чувство, которымъ была полна душа Ломоносова. (Какъ эта ода, такъ и другія оды Ломоносова не имѣли ничего общаго съ одами, которыя писались въ то время и состояли изъ одной грубой лести; въ одахъ Ломоносова прославляется все великое: и не только человѣческія дѣла, но и явленія природы, воспѣваются не только свойства людей, но и величіе Бога и значеніе наукъ и искусствъ). Вотъ отрывки изъ оды «Вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ»:

Лицо свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонила прочь,
Открылась бездна звѣздъ полна,
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ—дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,—
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь мысльми, утомленъ.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ,
Несчетныхъ солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы Божества
Тамъ равна сила естества.

Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря;
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день вступилъ!

Что зыблетъ ясный нощью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

Тамъ споритъ жирна мгла съ водой,
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ,
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эѳиръ.

Чтобы оказать помощь желающимъ изучать физику, Ломоносовъ перевелъ на русскій языкъ курсъ физики Вольфа, у котораго онъ слушалъ лекціи въ Германіи; эта физика была первой на русскомъ языкѣ. Одно изъ научныхъ сочиненій Ломоносова по физикѣ посвящено вопросу о происхожденіи свѣта, а другое—о томъ, что такое теплота. Объясненія, которыя даетъ въ этихъ сочиненіяхъ Ломоносовъ [1]) относительно происхожденія свѣта и тепла, впослѣдствіи подтвердились въ наукѣ.

Другой наукой, надъ которой много поработалъ Ломоносовъ, была химія. Въ области химіи онъ напи-

---

[1]) Въ этомъ же сочиненіи онъ объясняетъ происхожденіе каменнаго угля отъ торфа, а также происхожденіе янтаря.

салъ много очень важныхъ работъ. Въ сочиненіи «О строеніи вещества» онъ развиваетъ ту мысль, что всѣ тѣла состоятъ изъ малѣйшихъ частичекъ, или атомовъ; и это ученіе было позже принято учеными.

Затѣмъ онъ изслѣдовалъ химическія явленія, происходящія во внутренности земного шара, и разныя измѣненія, происходящія съ веществами, составляющими земной шаръ, на его поверхности и въ его нѣдрахъ. Химическія свѣдѣнія онъ примѣнялъ къ геологіи (наукѣ о землѣ) и къ металлургіи (ученіе о металлахъ, ихъ добываніи и разработкѣ).

По геологіи Ломоносовымъ написано сочиненіе «О слояхъ земныхъ», представляющее собой курсъ геологіи, а по металлургіи—руководство металлургіи. Въ своемъ сочиненіи «О слояхъ земныхъ» Ломоносовъ разсматриваетъ происхожденіе земныхъ слоевъ.

Въ своихъ сочиненіяхъ по геологіи и металлургіи Ломоносовъ подробно останавливается на вопросѣ о происхожденіи металловъ и рудныхъ жилъ. Всѣ горы и возвышенности на поверхности земного шара Ломоносовъ объясняетъ движеніями земной коры, а причиной этихъ движеній онъ считаетъ внутренній огонь земного шара,—причиной же огня, по мнѣнію Ломоносова, является треніе между собой разныхъ веществъ и въ особенности сѣры. Сѣру Ломоносовъ считалъ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ веществъ на земномъ шарѣ. Объясненія Ломоносова вѣрны, но не совсѣмъ полны, такъ какъ въ то время еще не было ничего извѣстно о происхожденіи земного шара, о томъ, что онъ прежде былъ огненно-жидкимъ ядромъ.

Занимался Ломоносовъ и астрономіей. Онъ наблюдалъ прохожденіе Венеры [1]) черезъ дискъ солнца.

---

[1]) Одна изъ планетъ; ее называютъ также вечерней звѣздой.

Десятки астрономовъ наблюдали это явленіе, и только одинъ Ломоносовъ замѣтилъ и описалъ то, что дало видѣть это прохожденіе, а именно, что Венеру окружаетъ воздушная атмосфера.

30 лѣтъ спустя атмосферу Венеры открыли астрономы Гершель и Шретеръ; они же подтвердили и то наблюденіе, сдѣланное Ломоносовымъ, что воздушная атмосфера Венеры толще земной. Замѣчательны научныя работы Ломоносова по метеорологіи: онъ изучалъ почву, температуру воздуха въ различныя времена года и части сутокъ и находилъ вполнѣ возможнымъ научное предсказаніе погоды, что теперь и осуществляется понемногу въ наукѣ. Географическія изслѣдованія Ломоносова тоже имѣли совершенно основательный и до извѣстной степени пророческій характеръ, т.-е. онъ намѣтилъ разрѣшеніе разныхъ вопросовъ, которые были разработаны учеными позже. Такъ, напр., занимаясь географіей, онъ намѣтилъ планъ самаго удобнаго морского пути по Ледовитому океану для достиженія сѣвернаго полюса: путь этотъ долженъ былъ пройти между островами Шпицбергеномъ и Новой Землей. 108 лѣтъ спустя англійскій ученый и путешественникъ Пайеръ разыскалъ проектъ Ломоносова и, слѣдуя по указанному въ немъ пути, дѣйствительно свободно пробрался по Полярному морю, тогда какъ другимъ не удавалось пройти такъ далеко: ихъ затирали льды. На основаніи проекта, составленнаго Ломоносовымъ же, снаряжена была экспедиція черезъ Сѣверный и Великій океаны въ Индію; Ломоносовъ руководилъ всѣми приготовленіями: составлялъ подробные списки всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для каждаго корабля, обучалъ моряковъ обращенію съ морскими инструментами. Онъ не дожилъ до отправки этой экспедиціи.

Въ работахъ Ломоносова замѣчательно было то, что онъ дѣлалъ много примѣненій научныхъ знаній на практикѣ и дѣлалъ все это самъ, своими руками: такъ, онъ оставилъ нѣсколько физическихъ приборовъ, изобрѣтенныхъ и сдѣланныхъ имъ собственноручно, затѣмъ множество цвѣтныхъ и мозаичныхъ работъ; все это требовало для исполненія массу времени и труда, и надо только удивляться тому, откуда онъ его находилъ. Такъ, напр., мозаичный образъ, сдѣланный Ломоносовымъ собственноручно, былъ составленъ изъ 4.000 кусковъ, а для изобрѣтенія разныхъ составовъ сдѣлано было 2.184 опыта въ стеклянной печи. Затѣмъ Ломоносовымъ была устроена и оборудована фабрика стекляннаго и мозаичнаго производства, исполнявшая крупные заказы. Всѣ научныя работы Ломоносова были извѣстны европейскимъ ученымъ, онъ писалъ ихъ по-латыни или на нѣмецкомъ языкѣ. Извѣстный ученый Эйлеръ былъ самаго высокаго мнѣнія о научныхъ работахъ Ломоносова. Когда нужно было написать сочиненіе о селитрѣ, то Эйлеръ прямо указалъ на Ломоносова, считая, что онъ сдѣлаетъ это лучше многихъ ученыхъ. Ломоносовъ сталъ по предложенію Эйлера писать о селитрѣ, но такъ и не окончилъ этого сочиненія къ сроку, такъ какъ у него не хватило на это времени, его буквально рвали на части: онъ не могъ, какъ другіе ученые, заниматься спокойно въ тишинѣ своего кабинета или лабораторіи: русская жизнь каждый моментъ призывала его къ практической работѣ и къ борьбѣ за науку.

Ломоносовъ былъ краснорѣчивымъ, вдохновеннымъ ораторомъ, свое ораторское искусство онъ примѣнялъ опять-таки къ распространенію научныхъ знаній. На публичныхъ засѣданіяхъ Академіи Наукъ

онъ въ своихъ пространныхъ, всегда одушевленныхъ рѣчахъ развивалъ предъ слушателями основныя понятія различныхъ наукъ. Вотъ названія рѣчей, произнесенныхъ Ломоносовымъ на научныя темы:

«Слово о пользѣ химіи».

«Слово о твердыхъ и жидкихъ тѣлахъ».

«Слово о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электричества происходящихъ».

«Слово о происхожденіи свѣта».

«Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли».

«Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюдаемое въ Петербургской Императорской Академіи Наукъ мая 26 дня 1761 г.».

Кромѣ того, Ломоносовымъ написанъ былъ рядъ научныхъ сочиненій, о которыхъ уже говорилось выше, а именно:

«Разсужденіе о большой точности морского пути».

«Основанія металлургіи: 2 части; часть I, о металлахъ и съ ними въ землѣ находящихся другихъ минералахъ; часть II, о рудныхъ мѣстахъ и жилахъ и о пріискѣ ихъ».

«Письмо о пользѣ стекла».

«О слояхъ земныхъ».

«Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа».

«Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства».

«О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ».

«Древняя Россійская исторія отъ начала Россійскаго народа до кончины великаго князя Ярослава Перваго».

«Россійская грамматика».

«Риторика».

Многія сочиненія Ломоносова до сихъ поръ не переведены съ латинскаго языка.

Ломоносова справедливо считаютъ «первоначальникомъ» наукъ въ Россіи; онъ самъ сознавалъ, что на его долю выпало начать разработку всѣхъ наукъ въ Россіи, и потому онъ и затрогивалъ въ своихъ работахъ не одну, а цѣлый рядъ наукъ. Самъ Ломоносовъ такъ опредѣляетъ свое назначеніе: «Ежели Богъ велитъ, покажу хоть нѣкоторый приступъ ко всѣмъ мнѣ знаемымъ наукамъ... Я самъ и не совершу, однако начну, то будетъ другимъ послѣ меня легче дѣлать».

Вотъ какъ отзывается о научныхъ заслугахъ Ломоносова русскій профессоръ Шуровскій, по поводу сдѣланнаго Ломоносовымъ открытія, что каменный уголь произошелъ изъ торфяника. «Замѣчанія Ломоносова принадлежатъ къ числу самыхъ драгоцѣнныхъ; перечитывая ихъ, съ трудомъ вѣришь, что обо всемъ этомъ говорилось за сто лѣтъ до нашего времени». Ломоносовъ, говоритъ другой ученый, «предвидѣлъ и предсказывалъ все, что нынѣ думаютъ и дѣлаютъ метеорологи».

Профессоръ Бекетовъ такъ отзывается о Ломоносовѣ: «Ломоносовъ высказывалъ такіе взгляды, которые и теперь еще съ трудомъ проникаютъ въ умы ученыхъ. Только въ самое послѣднее время, во второй половинѣ XIX столѣтія многіе ученые приходятъ къ подобнымъ взглядамъ».

Огромный вкладъ сдѣлалъ Ломоносовъ въ русскую литературу; онъ произвелъ въ ней цѣлый переворотъ; и если научныя заслуги Ломоносова мало оцѣнены, то заслуга его передъ русской литературой признана вполнѣ. Ломоносовъ по справедливости считается творцомъ современнаго русскаго литературнаго языка. Русская литература до Ломоносова и послѣ него — это двѣ совершенно разныя литературы, и развитіе современной литературы

начинается собственно съ Ломоносова. До Ломоносова въ Россіи не было того литературнаго языка, на которомъ теперь пишутъ книги и говорятъ образованные люди. Тогда былъ славянскій языкъ, на которомъ совершается и теперь богослуженіе и пишутся церковныя книги, и было много народныхъ говоровъ, на которыхъ говорилъ народъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Собственно русскаго литературнаго языка не было. А онъ былъ необходимъ. Какъ необходимъ языкъ для выраженія своихъ мыслей и чувствъ каждому человѣку, такъ же необходимъ цѣлому народу языкъ, на которомъ писались бы литературныя произведенія, который понималъ бы весь народъ, каковы бы ни были мѣстные, областные нарѣчія и говоры. До Ломоносова были только попытки создать литературный языкъ, но попытки эти были большею частью неудачны. Все, что писали Тредьяковскій, Сумароковъ и другіе современные Ломоносову писатели, было написано тяжелымъ, нескладнымъ языкомъ, представляло собой смѣсь церковно-славянскаго языка съ народнымъ, хотя эти писатели и считали себя создателями новаго языка. Не были также разработаны правила русскаго стихосложенія. Стихи на русскомъ языкѣ писались такимъ же размѣромъ, какимъ писались латинскіе стихи: это былъ такъ называемый «силлабическій» размѣръ, основанъ онъ былъ на счетѣ слоговъ. Въ каждой строкѣ должно было быть непремѣнно 13 слоговъ; отъ этого стихи выходили очень тяжелые, неуклюжіе. Ломоносовъ ввелъ тоническое стихосложеніе, основанное не на счетѣ слоговъ, а на удареніи, т.-е. на повышеніи и пониженіи голоса черезъ каждые 2 или 3 слога. Первое литературное произведеніе Ломоносова, присланное изъ-за границы, «Ода на взя-

тіе Хотина» поразило всѣхъ своей красотой и звучностью, оно было чѣмъ-то совершенно новымъ въ русской литературѣ; написано оно было тоническимъ размѣромъ, которымъ и стали послѣ этого писать всѣ русскіе поэты. Съ этой оды началась новая эпоха въ русской литературѣ. Ломоносовъ не сочинилъ искусственно, а извлекъ, добылъ, такъ сказать, русскій литературный языкъ изъ нѣдръ народнаго языка; нуженъ былъ геній Ломоносова, чтобы найти этотъ языкъ, уловить законы созданія богатаго, красиваго, мощнаго языка, каковъ русскій языкъ. Необыкновенной легкостью и музыкальностью повѣяло отъ произведеній Ломоносова. если они теперь намъ кажутся нѣсколько напыщенными, витіеватыми, тяжеловатыми, то вѣдь надо помнить, что они были написаны 200 лѣтъ тому назадъ, и надо видѣть, какъ рѣзко Ломоносовскій языкъ отличается отъ языка Тредьяковскаго, Сумарокова, современниковъ его. Вмѣстѣ съ «Одой на взятіе Хотина» Ломоносовъ прислалъ свое сочиненіе «Правила русскаго стихосложенія». Законы же русскаго языка онъ изложилъ въ своихъ сочиненіяхъ «Россійская грамматика» и «Риторика». Въ грамматикѣ Ломоносова указываются подробно всѣ особенности русскаго языка.

Составляя русскую грамматику, Ломоносовъ опять-таки ничего не сочинялъ, не придумывалъ искусственно, а только вникалъ въ духъ языка и выражалъ его законы. При составленіи грамматики русскаго языка Ломоносовъ не ограничился изученіемъ русскаго народнаго языка, но изучилъ также и родственные ему другіе славянскіе языки; при этомъ онъ первый указалъ на то, что польскій языкъ не родственъ русскому, какъ это считали раньше.

Литературныя произведенія Ломоносова большею частью принадлежатъ къ числу одъ — этотъ видъ литературнаго произведенія былъ самымъ распространеннымъ въ то время. Но оды Ломоносова не заключали въ себѣ льстивыхъ похвалъ царямъ и знатнымъ лицамъ, а всегда выражали какую-нибудь мысль; въ нихъ Ломоносовъ выражалъ свои основные взгляды, свое отношеніе къ религіи, къ наукѣ, къ выдающимся личностямъ.

Лучшія его оды:

«Утреннее размышленіе» и «Вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ»; отрывокъ изъ второй оды былъ уже приведенъ выше, вотъ отрывокъ изъ первой:

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приблизившись воззрѣть,—
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Кипящій вѣчно океанъ:
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенемъ крутятся,
Борющись множество вѣковъ,
Тамъ камни, какъ вода, кипять,
Горячи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна,
О, коль пресвѣтлая лампада,
Тобою, Боже, вожжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ.

Творецъ, покрытому мнѣ тьмой
Простри премудрости лучи
И, что угодно предъ Тобой,
Всегда творити научи,
И, на твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь.

Въ одахъ Ломоносовъ высказывалъ свои мысли, убѣжденія; такъ, напр., въ одѣ на восшествіе на престолъ государыни императрицы Елизаветы Петровны онъ высказывается противъ войны, восхваляя тишину:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Въ этой же одѣ онъ высказываетъ мысль о томъ, что наука помогаетъ человѣку извлекать у природы ея естественныя богатства, скрытыя въ нѣдрахъ земли:

Воззри на горы превысоки!
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно.
Толикіе земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ (т.-е. Елизаветѣ) въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,

Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ
Сіе злату очистить жилу.
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.

Петру Великому, передъ памятью котораго онъ благоговѣлъ, Ломоносовъ посвятилъ цѣлую поэму.

Къ числу поэтическихъ произведеній Ломоносова относятся также прекрасныя, звучныя переложенія псалмовъ въ стихотворной формѣ.

Общественная дѣятельность Ломоносова была настойчивымъ, упорнымъ трудомъ для распространенія образованія въ Россіи.

Какихъ неимовѣрныхъ трудовъ стоило ему осуществленіе его главной мечты — открытія въ Москвѣ университета! Получивъ извѣстіе о томъ, что дѣло это рѣшено -- университетъ открытъ, онъ сейчасъ принялся за составленіе подробнаго плана университетскихъ занятій. Такъ же настойчиво добился онъ открытія первой химической лабораторіи; добивался этого въ теченіе 8 лѣтъ. Всѣми силами, не жалѣя ни силъ ни времени, хлопоталъ онъ объ устройствѣ всего необходимаго въ лабораторіи и о томъ, чтобы доказать русскому обществу полезность этой лабораторіи; чтобы расположить къ ней общество, заинтересовать общество ея существованіемъ, онъ бралъ на себя всѣ самыя трудныя работы, готовилъ, растиралъ краски и разные составы, дѣлалъ пробы рудъ, работалъ надъ приготовленіемъ стекла. Стараніями же Ломоносова была устроена при университетѣ гимназія, общежитіе при ней, и здѣсь онъ входилъ во всѣ мелочи дѣла. Во всѣхъ этихъ трудахъ, во всей этой неутомимой и разнообразной дѣятельности

осуществлялъ Ломоносовъ свои убѣжденія, взгляды, служилъ родинѣ.

Пушкинъ такъ характеризуетъ Ломоносова:

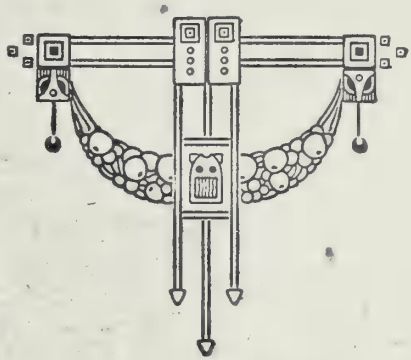
«Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенной силой понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія.

«Жажда науки была самой сильной страстью сей великой души. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ, стихотворецъ—онъ все испыталъ, все проникъ».

Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи «Школьникъ» такъ говоритъ о Россіи и о Ломоносовѣ:

„Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ, то и знай,
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой“.

Да, Некрасовъ былъ правъ: не можетъ не быть свѣтлаго, хорошаго будущаго у страны, въ которой родятся такіе люди, какъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. И ради этого будущаго мы всѣ, чтя память Ломоносова, должны также любить Россію, какъ любилъ ее Ломоносовъ, также работать для нея. Ломоносовъ далъ родинѣ много, такъ какъ онъ былъ великимъ, геніальнымъ человѣкомъ, но и каждый изъ насъ можетъ дать своей родинѣ что-нибудь, принести ей пользу своими трудами, своими знаніями. И пусть дастъ что можетъ! Этимъ пожеланіемъ мы и заканчиваемъ нашъ очеркъ жизни и дѣятельности перваго русскаго ученаго, Михаила Васильевича Ломоносова.



Цѣна 10 коп.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Pervyi russkjii uchenyi Mikhail
891.78 L846ZKN
D90357717$